

ЛЮДМИЛА
ГОРЕЛИК

АЛМАЗНЫЙ
ВЕНЕЦ
МАРИНЫ МНИШЕК

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г68

Редактор серии А. Антонова
Оформление серии О. Фатиховой

Горелик, Людмила Львовна.
Г68 Алмазный венец Марины Мнишек : [роман] / Людмила Горелик. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-250576-8

Спустя четыреста лет тени Смутного времени возвращаются в Смоленск. В 1956 году две девочки находят странную железку с камешками и прячут ее в земле, сделав детский «секретик». Они даже не подозревают, что стали обладательницами легендарного алмазного венца Марины Мнишек — реликвии, веками манившей охотников за сокровищами.

Через шестьдесят лет забытый клад вновь напоминает о себе: решив продать драгоценность ювелиру, владелица реликвии бесследно исчезает накануне Нового года. За поиски берутся бывший участковый Порфирий Потапов и неутомимая пенсионерка Елена Шварц. Чтобы выйти на след пропавшей, им предстоит распутать клубок лжи и раскрыть цепь роковых тайн, протянувшуюся через поколения.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горелик Л.Л., 2026
© Оформление.
ISBN 978-5-04-250576-8 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

1956 год. Железяка с камушками

Июнь, позднее утро, одиннадцатый час, но на узкой улочке народу не видно: здесь всегда мало прохожих, а проезжие и вовсе редкость. Улица одноэтажная, это даже не совсем улица, а ее отпочковавшийся придаток — небольшое ответвление деревянной, с частными домиками, улицы, загнанное почти к самому Днепру. Впрочем, домики стоят в два ряда, как положено, и перед каждым огороженный штакетником палисадник. Солнце уже припекает, две идущие по дороге девочки щурятся на солнце.

Той, что поменьше, лет семь. Ей недавно начали отпускать косы — в школу ведь скоро, пусть идет с косами. Толстые каштановые косички, еще совсем короткие, завязаны полинявшими и чуть помятыми атласными голубыми ленточками, все лицо девочки покрыто крупными веснушками. При ходьбе она размахивает эмалированным трехлитровым бидончиком, пока пустым. Девочку зовут Люба, ее отправили на край улицы, к Фирсихе, за молоком. Семья Фирсенковых держит корову и продает молоко соседям. Второй девочке, Ларисе, лет восемь, льняные волосики ее короткие, мягкие

и торчат во все стороны — вряд ли она причесывалась сегодня, — веснушки у нее мелкие и только на носу. Эта несет облезлую дермантиновую сумку, хозяйственную, с двумя ручками, и тоже помахивает ею. Она послана за щавелем, который в больших количествах растет на дальнем, так называемом Посадском, лугу. В эту пору щавель еще сочный, свежий, и жители улицы часто собирают его для супа — посылают обычно детей. Посадский луг большой и очень красивый. Он принадлежит совхозу, и конный сторож (объездчик) гоняет собирателей, чтоб не топтали траву.

Обе девочки в поношенных ситцевых платьях, босые. Теплая дорожная пыль мягким ковром ложится им под ноги или, напротив, взмывается крохотными фонтанчиками — это если специально топать. А они топают. Ух, как взмывается, до самых коленок, эта пыль...

— А знаешь, почему такое название — Посадский? — спрашивает Люба. Ей хочется похвастаться своим знанием перед старшей девочкой, ведь Лора уже ходит в школу.

— Это так неправильно называют, — отвечает она. — Правильно Пасацкий — потому что там скот пасут!

— Да? — неуверенно переспрашивает Люба. — А папа говорил, что раньше были такие посадки, вроде улицы, где люди тоже жили...

— Ну кто ж знает, что раньше было... А сейчас коров пасут! Поэтому правильно —

Пасацкий, — рассеянно отвечает Лариса. И переводит разговор на более интересную тему. — Вчера мамка меня с собой к полковничихе брала!

Ее мама ходит раз в неделю убирать в дом полковничихи, на соседнюю улицу. С собой она обычно берет одну из старших дочерей. Девочки помогают: протирают мебель, поливают цветы... Поскольку полковничиха каждый раз дарит детям что-нибудь — то пряник, то конфетку, то подпаленный утюгом красивый кружевной воротничок, — Лариса и ее сестра, Шура, соперничают между собой — каждая хочет пойти убираться к полковничихе. На этой неделе, значит, тетя Катя брала с собой Лариску.

— Подарила полковничиха что-нибудь? — с искренним любопытством спрашивает Люба.

— Сскляночку! Смотри, какую красивую... — Лариса достает из глубокого накладного кармана своего ситцевого платья «скляночку». Это кусок фарфоровой чайной чашки — с нежным рисунком, с золотой каемочкой по краю...

— Красивая! — восхищается Люба. Девочки останавливаются посреди дороги, разглядывают осколок.

— Вот тут цветок нарисован, только не весь виден — дальше листик начинается, но он развалился, — показывает Лариса. — У полковничихи еще такие чашки есть.

— Ты разбила? — с ужасом спрашивает Люба.

— Нет! Сам полковник. Утром, еще до нашего прихода. Мамка стала убирать, а я скляночку себе попросила. Полковничиха и дала.

Украшенные рисунком скляночки — ценность. Найдя осколок более-менее красивой посуды, дети его хранят, делают с ним «секретики» в песке, показывают друг другу, оценивают, у кого лучше... А эта скляночка необыкновенная: тонкая, фарфоровая, рисунок нежный и почти весь сохранился — повезло Ларихе.

Она осторожно прячет скляночку обратно в карман и обращается к Любе:

— Пойдем со мной за щавлем! К Фирсихе на обратном пути зайдем!

— Не, — возражает Люба. — бабушка ругаться будет. Мне одной не разрешают на Посадский луг ходить.

— А мы не пойдем далеко, я сама объездчика боюсь... Мы здесь, с краю пособираем, за Курчихиным двором... Там тоже щавля полно!

Люба колеблется: бабушка за долгое отсутствие не похвалит. Но все же желание прогуляться с Лариской на луг побеждает.

— Бабушке скажешь, что Фирсиха ждать заставила, пока процедит молоко, скажешь — поздно сегодня корову доила! — добавляет Лариса, видя ее колебания.

Посадский луг огромный! Трава там высокая, сочная, девочкам, как они говорят, «по шейку», щавеля полно — крупного, отборно-

го. Но собирать там опасно: объездчик, если увидит, может и нагайкой хлестнуть, и щавель отберет, да еще вместе с сумкой... Чтобы не встретиться с объездчиком, многие предпочитают искать здесь, на самом краю луга, сразу за огородами. Люба тоже собирает в Ларискину сумку — домой принести щавель нельзя, бабушка будет ругать за самовольство. Прямо за Курчихиным огородом заросли лопуха и крапивы, среди них вросшие в землю обломки какого-то древнего фундамента, щавель там плохо растет — пробивается сквозь щебень, рядом с камнями... Все ж полсумки они набирают довольно быстро.

— Может, хватит? — сомневается Лариса.

— Смотри, королек! Сейчас поймаю! — поставив на землю бидончик, Люба подкрадывается к бабочке, складывает ладони домиком... Взмах крыльев — яркая бабочка улетает, а девочка с размаху падает на землю, как раз на торчащие среди зарослей лопухов камни...

Лариса подбегает, помогает подняться.

— Коленку разбила?

Люба морщится, хнычет, на глазах появляются слезы.

— И коленку, и руку ободрала... — всхлипывает она, показывая большую царапину на руке. — Руку даже больше! — Она смотрит на руку, царапина глубокая, кровь течет. — Ого, как поцарапала!

— На что это ты напоролась? — Лариска, нахмурившись, осматривает рану. Это

не кирпичом! Там бутылку, наверно, кто-то разбил!

Обе, согнувшись, разглядывают под лопухами каменные остатки давнего строительства...

— Тут, смотри, железяка какая-то... — Люба с трудом выдерживает и поднимает вдавленную между камнями железяку. Она погнутая, заржавленная — или это грязь? Девочка морщится от боли. — Глубокая царапина, неужели этой железякой?

— Как бы столбняка не случилось... — озабоченно бормочет Лора. — Промыть надо! В сажалке пойдем промоем... Вот вытри пока, Любашка... — Она срывает лопух и протягивает подруге.

Люба морщится, осторожно обтирает кровь, разглядывает рану. Глубокая... Как ножом полоснула! Что ж это такое острое, неужели такая острая железяка?.. Она опять подбирает брошенную было железку, рассматривает ее внимательно.

— Это не железом распорото, это вот чем — камень тут в железяке... прямо врос в нее... А острый какой! — восклицает девочка. — Посмотри, Лариха!

Они внимательно исследуют железку. По обе стороны большого камня обнаруживаются другие, поменьше. Те не острые, наоборот, круглые. А этот, самый большой, острый, со сколом! Скол и царапается.

— Ишь, грязи на них сколько, — вздыхает Лариса, — и в железку вросли!

Чтобы получше рассмотреть камни, Люба обтирает их лопухом. Они не простые, граненые на ощупь... Как же они попали в эту железку?

Возле сажалки, пока Лора шлепает босыми ногами по краю воды и гоняется среди береговой осоки за синими стрекозками, Люба обмывает раны на руке и ноге. Они саднят, девочке больно. Тем не менее она с любопытством поглядывает на лежащую в траве рядом с бидончиком находку.

Вот и до нее дошла очередь: Люба и ее в воде пополоскала, потеряла осокой — грязь въелась сильно.

— Смотри, Лариха, — кричит девочка. — Смотри, как на солнце блестят!

Отмытые камешки и впрямь красиво блестят: солнце преломляется в их гранях... Большой, посредине железки, не такой ровный, но и от него отражаются солнечные блики.

— Об него и порезалась... — вздыхает Люба. — Острый какой, зараза! А железяку эту я себе возьму — красивая! Не сама, конечно, а камешки красивые — блестят!

— Да! — соглашается Лариска и достает свою скляночку. — Смотри, если вместе они, как хорошо получается! — Девочки рассматривают вдвоем. Скляночка тонкая, с нежным рисунком, железка тоже симпатичная — там, где грязь отмылась, поблескивает желтым, а камешки вообще ярко блестят. — Давай сделаем двойной секретик? Рядом их положим в песок и стеклышком прозрачным прикроем...

1606 год. Марина едет к мужу

Дочка сandomирского воеводы Мнишека не то чтобы избалована, просто она знает себе цену. Марине недавно исполнилось семнадцать лет, а она уже московская царица! Ну, без пяти минут...

— Алмазный мой венец! — Марина произносит это, не оглядываясь на служанку, — она смотрит в зеркало. Горделивая посадка головы оттеняет юное нежное лицо, каштановые волосы уже убраны и заколоты как надо. Марина берет украшение из рук служанки и сама осторожно пристраивает на прическу эту узкую золотую полоску, усеянную алмазами: посредине очень крупный и вокруг него несколько помельче. Дочь сandomирского воеводы Ежи Мнишека любит драгоценные камни, алмазный венец подарил ей отец на пятнадцатилетие, в этом дорогом и нарядном уборе увидел ее впервые будущий супруг. И сразу влюбился! Почти два года назад, в доме отца, в Самборе... Марина улыбается, вспоминая ту встречу. Привезенный почти случайно в Самбор родственником Мнишеков князем Вишневецким, опальный московский царевич был поражен ее красотой! С тех пор она находится в зоне всеобщего внимания... Про царевича тогда всякие слухи ходили, большинство считало его самозванцем, желающим войти на московский престол при помощи поляков, через женитьбу на Марине.

Глядя в зеркало, девушка усмехается: эти слухи — явная глупость. Даже она, совсем юная тогда, два года назад, смогла отличить истинную страсть. Московский царевич искренне и страстно признавался ей в любви, это было настоящее чувство. Он даже подтвердил, что не царского происхождения. Но поклялся, что будет царем! Она ему поверила. И конечно, только человек знатного рода на такое чувство способен... Сказать правду, и родной отец, и отец духовный (а Марина богобоязненна) уговаривали ее согласиться на этот брак, твердили о ее особой миссии для процветания родной страны и католической веры. Однако, не случись того признания, в котором она услышала подлинное чувство московского «царевича», она, возможно, отказалась бы от брака с загадочным чужеземцем. И никто бы гордую дочь воеводы Мнишека не заставил! Ни отец, ни Папа — никто.

Человек этот вызвал ее любопытство еще до знакомства. Старшая сестра Урсула, вышедшая не так давно замуж за князя Вишневецкого, вначале упоминала о нем в письмах как о забавной диковинке: муж, мол, поселил в своем поместье некоего московского пришельца, который рассказывает странные байки «в духе Теренция». Ну прямо сказки — заслушаешься! Якобы он чудом оставшийся в живых сын московского царя Ивана... Но, кстати, образован неплохо... «Вначале мы, конечно, воспринимали его как потеху, смеялись над этим неизвестного происхождения москвитянином. Однако знаешь,

Марина, в нем действительно чувствуется порода... — добавляла сестра. — Муж уже почти поверил ему».

А потом привезенный в Самбор Вишневецким странник вызвал большой интерес отца Марины, Ежи Мнишека: держался москвитянин по-европейски, был образован, его рассказы о царском происхождении слушались с интересом... И, пожалуй, не так уж они невероятны... Да и неважно, в конце концов, кто этот человек на самом деле, но, если вступит на царство, от него может быть польза. Воевода нюхом почувствовал выгодную авантюру, открывающую ему возможность выпутаться из долга. Дело в том, что Ежи Мнишек сильно задолжал королю и не знал, как расплатиться, — бывает... И главное — этот приезжий москвитянин (кто б он ни был, а ведь претендует на Московское царство!) страстно влюбился в пятнадцатилетнюю Марину. Совершенно не скупясь, он обещал отдать за нее Смоленскую, Северскую, Новгородскую, Псковскую земли, привести Московию в католичество, озолотить Мнишеков, помочь королю Сигизмунду в споре со Швецией... Щедрые обещания! Даже если половину исполнит... Воевода Мнишек был по натуре авантюрист и циник, за ним с молодости всякое водилось. Сейчас дела воеводы шли не слишком хорошо: и репутация подмочена, и долги большие. Мудреная, «в духе Теренция», история москвитянина заинтересовала его. А не так и глуп этот парень...

Разумеется, все это было вилами по воде писано... Остро стояли вопросы: сядет ли на трон, да и сев, будет ли выполнять обещанное? Многоопытный канцлер Ян Замойский предостерегал воеводу: «Кость падает иногда недурно, но бросать ее, когда дело идет о важных предприятиях, не советуют». Тем не менее находящийся в сложном материальном положении, склонный к авантюрам и нечистый на руку воевода Мнишек поставил на самозванца, а юная пани Марина поверила в счастливое будущее москвитянина: если и не царь, то, возможно, будет им... Она тоже была честолюбива, почему бы ей не стать московской царицей?!

Мнишек взялся помогать «московскому царевичу». Ему шли навстречу, хотя и с большим скрипом: помощь, которую путем интриг выхлопотал Мнишек от короля Сигизмунда для нового друга, оказалась не слишком действенной. Однако повезло в другом: в Москве случилась смута. Семейство Годунова было низвергнуто самими москвитями, при совсем малой помощи поляков, и вот «царевич Дмитрий» на троне! Теперь он получил полное одобрение польской стороны. В Кракове состоялось его обручение с дочерью сандомирского воеводы.

Теперь Марина — без пяти минут супруга Московского царя — едет к нему при огромном сопровождении (более двух тысяч человек), которое царь Дмитрий оплачивает очень щедро. Он торопит в письмах ее отца и в ответ на

жалобы продающего дочь циника шлет, шлет деньги и дорогие подарки... Разве может женщина не ответить на столь безудержное чувство?! И почему гордой дочери польского воеводы не выйти замуж за царя Московии?!..

Уже полгода прошло с того счастливого дня, когда их обручили в Кракове, правда, жениха на обручении не было, его представлял московский посол. Все эти полгода царь Дмитрий писал письма новоявленному тестю, торопя с прибытием. Выбрались в путь не сразу, да и путь тяжел. Через Днепр под Оршей перебирались два дня: мосты сносило. Дальше шли по чужим землям, общались с новыми подданными. Обе стороны не понимали друг друга и не нравились друг другу... Московиты не нравились полякам неотесанностью и излишней открытостью, казались неразвитыми и навязчивыми. «Литва» представлялась русским спесивой, слишком требовательной и грубой.

Первую ночевку устроили в Красном (под Смоленском). Стояла апрельская распутица, гордым шляхтичам палатки ставили прямо по грязи, только царице была приготовлена новая изба. То же повторилось при второй ночевке. «Бедновато для первого раза...» — так высказались гости, и воевода Мнишек потребовал от зятя увеличения содержания. Тотчас было прислано — московский царь не скупился. На второй день Мнишеков и свиту приветствовали царские посланники знатных родов, при тысячной охране. Для царицы были приготовлены

пятьдесят четыре белые лошади и три кареты, обитые внутри соболями.

21 апреля свадебный поезд остановился в Смоленске.

Вернуть этот город, уже побывавший в предшествующем столетии польско-литовским, долго мечтала польская шляхта. Теперь мечта, кажется, сбывалась. Встречать новую царицу вышли десятки тысяч людей. Вышло смоленское духовенство с образами Пресвятой Богородицы, вышел прочий знатный люд с хлебом-солью. Бояре устроили обед. Стол был обильен и непривычен для гостей. После пира Юрий Мнишек заболел. Из-за этого в Смоленске пришлось на несколько дней задержаться.

2016 год. Гибель Антона

Беда пришла неожиданно. Стояло прекрасное июньское утро. Любовь Львовна Лопухова встала в тот день поздно. Ей было шестьдесят семь лет, уже четыре года она не работала. Зимой она вместе с дочкой и внучкой жила в своей двухкомнатной квартире в центре Смоленска, лето же проводила на окраине города, где у семьи имелся доставшийся от бабушки маленький домик. До недавних пор Любовь Львовна воспринимала этот домик с небольшим садиком как дачу — сажала там грядки, ухаживала за яблонями (их имелось целых три!). Там и воздух лучше, и зелень кругом, как в деревне. Однако прошлой зимой ее внучка Наташа